

Риторика крайне правых партий в России и Германии: сравнительный дискурс-анализ

М. Р. Булатов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Булатов М. Р. Риторика крайне правых партий в России и Германии: сравнительный дискурс-анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 1. С. 33–46. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.103>

В настоящей статье проведено сравнение электоральной риторики партий «Альтернатива для Германии» (АдГ) и ЛДПР через соотнесение уровней антагонизации и точек зрения партий на актуальные социальные вопросы. Дискурс-анализ проводится с использованием дискурсных фреймов и блоков, позволяя формализовать сравнение между текстами на разных языках. Выборка основана на видеоматериалах партий, опубликованных в сети Интернет в апреле — мае 2021 г. в преддверии предстоящих федеральных выборов в обеих странах. ЛДПР использует более антагонистичную риторику, в особенности против западных стран и Украины. АдГ использует «мы» для объединения своего электората, видя в качестве своих противников германский и европейский истеблишмент, а также организации с международной повесткой, включая «зеленых» и движение «Антифа». Обе партии поднимают важные социальные вопросы, такие как иммиграция, цифровизация, политические свободы и национальная идентичность, однако различия возникают в акцентах. АдГ чаще поднимает вопросы экономических свобод и защиты германской «бюргерской» культуры от левой повестки, в то время как ЛДПР ориентирована на поддержку российской внешней политики и защиту российской культуры от западного глобализма. Авторы также подчеркивают, что современные крайне правые партии поддерживают демократические принципы. Национализм остается центральным элементом крайне правой идеологии, но она дрейфует в сторону демократии под воздействием социокультурных процессов. Исследование призвано улучшить понимание динамики крайне правого политического дискурса в Германии и России. Теоретические наработки позволяют расширить применение дискурс-анализа политической риторики.

Ключевые слова: крайне правая идеология, ультраправая идеология, национализм, политический дискурс.

Введение

Европейское общество в настоящее время переживает крупнейший с середины XX в. подъем крайне правой идеологии. Пик популярности правых партий в Европе в XXI в., по оценке нидерландского исследователя К. Мюдде (С. Mudde) [1], пришелся на середину 2010-х гг., когда в силу ряда факторов доминирующие позиции традиционных европейских партий в западноевропейских странах оказались под угрозой. Ранее евроскептики в основном фокусировались на проблемах вокруг еврозоны, теперь же они начали ставить под вопрос уже саму идею

евроинтеграции. Во многом это стало следствием культурного отката против продвигавшегося на массовом уровне космополитизма и мультикультурализма [2]. Многие правые партии сумели возглавить эти тенденции, взяв на себя обязательство защищать национальную идентичность.

Крайне правые никогда не были единообразным движением. Старые правые — идеологические преемники нацистских и фашистских партий, поднявшиеся на рубеже 1950–1960-х гг., существенно отличаются от новых правых. Итальянский социолог и политолог П. Игнаци (P. Ignazi) [3] провел различие между ними: в то время как первые заимствуют у фашистской идеологии антисистемные, антидемократичные и антиплюралистические принципы, вторые сохраняют только принцип антисистемности (то есть подрыва легитимности существующего политического режима). Британский политолог Г. О. Эдвардс (G. O. Edwards) же вовсе утверждает [4], что крайне правые партии с начала 2000-х гг. смягчили свою риторику и уже не соответствуют даже критерию антисистемности. Вместо этого они превращаются из экстремистских в разновидность партии со всеохватывающей повесткой, но с особым вниманием на национальном вопросе.

Кипрский политолог А. А. Эллинас (A. A. Ellinas) [5] утверждает, что национализм — это единственный принцип, который в равной степени разделяют многообразные политические организации, обозначаемые зонтичными терминами «ультраправые», «крайне правые» или «правые экстремисты». В нашем исследовании мы будем использовать термин «крайне правые» (в оригинальной терминологии Эллинаса — *the far-right*) и минималистичное определение, данное этим автором. Согласно Эллинасу, для всего разнообразия крайне правых единственной объединяющей идеологией является национализм, то есть преследование цели этнического, культурного, гражданского, социального, религиозного и иного единства, однородности и протекционизма нации. Таким образом, в нашей работе крайне правые — это политические организации — носители в первую очередь националистической идеологии.

В современной Германии доминирующее положение среди крайне правых парламентских партий занимает «Альтернатива для Германии» (АдГ), которую исследователи называют крайне правой, националистической и популистской партией [6; 7]. Ю. Лезер (Ju. Leser) и Ф. Шписсинджер (F. Spissinger) указывают на заигрывание с национализмом «фёлькише», шовинистский подход к социальному государству, антиисламские, традиционалистские, антифеминистские идеи как основные маркеры крайне правой идеологии АдГ [7]. Риторика АдГ использует нативистский шаблон разделения автохтонных немцев и мигрантов на «нас» и «их». Мигранты представляются главной угрозой германскому обществу, в первую очередь с точки зрения культурной несовместимости [7; 8]. В то же время анализ манифеста АдГ 2014 г., проведенный немецким ученым К. Арцхаймером (C. Arzheimer), обнаруживает в нем не крайне правый экстремизм, а идеи рыночного либерализма, национализма, «сопротивления сексуальному разнообразию и гендерному мейнстримингу» [6, р. 551]. Программа партии не является расистской, радикальной или экстремистской, а относительно близка программе Христианско-социального союза Баварии, сестринской партии Христианско-демократического союза Германии (ХДС). Таким образом, риторика АдГ представляет собой смесь крайне правых заявлений отдельных лидеров мнений и умеренно правых программных заявлений [6].

В России правая идеология также пережила несколько волн популярности, последняя из которых берет исток в 2014 г., с началом боевых действий в Украине. Российский националистический дискурс широко распространен в отечественных СМИ в рамках «дискурсивной войны» против украинских и западных националистических дискурсов в иностранных СМИ. В России Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) чаще других партий апеллирует к «русскому вопросу», то есть поднимает вопросы национальных, политических, культурных, социальных и религиозных интересов граждан России [9; 10]. При этом «шутовской дискурс» [10, с. 116], противоречивость и переменчивость позиций партии [11], эпатаж ее лозунгов и выступлений представителей приводит исследователей к рассмотрению идеологии ЛДПР как расплывчатой, эклектичной и оппортунистической. По мнению Е. А. Боровиковой, в ее основе лежат такие понятия, как «социальная справедливость, сильное государство и национальный лидер», не имеющие прямого отношения к крайне правой идеологии [12]. Бывший лидер партии Владимир Жириновский называл ЛДПР правоцентристской партией [13]. О. Малинова называет ЛДПР национал-популистами, в противоположность национал-патриотам из партии «Родина», «Изборского клуба» и др. [14]. Однако ученые сходятся во мнении, что ЛДПР пользуется крайне правой риторикой в публичной сфере, часто поднимая вопросы среднеазиатской миграции, а также угрозы со стороны «южных народов» и обращаясь в лозунгах к русским как к этнополитическому единству [10; 11]. Предыдущие исследования риторики ЛДПР показывают высокий уровень антагонизации, формулирование собственной интерпретации постсоветского и советского прошлого, на основе которой конструируется идентичность партии и моделируется образ будущего [15; 16]. Отмечается также эпизодическое взаимодействие партии с общественными движениями ультранационалистического, антисемитского, неонацистского толка [17]. Более того, в крайне правой части российского политического спектра фактически нет других партий, сопоставимых по популярности с ЛДПР.

У этих партий есть и другие сходные черты, помимо общих идеологических оснований. И АдГ, и ЛДПР имели схожие рейтинги популярности в различных опросах общественного мнения — 9–11 и 8–10 % соответственно¹. Электорат партий преимущественно мужской, в возрасте 25–34 лет [18; 19]. Ввиду такого сходства выбор этих партий для анализа оправдан и, пожалуй, является единственно верным.

Исследователи также называют АдГ и ЛДПР популистскими партиями [6; 20]. При этом популистские и националистические идеологии резонируют друг с другом, ставя социальное целое выше индивида [21]. Популизм интересен нам тем, что именно в популистском дискурсе в сочетании с национализмом ярко проявляется интересующая нас конфликтная и исключаящая риторика. Центральное положение в популистской риторике занимают принципы анти-истеблишментаризма и патриотизма [1; 21], с учетом которых формируется тактика поляризации — резкое противопоставление наиболее заметных, эмоционально воспринимаемых признаков: черное — белое, мы — они, свои — чужие, задающая различия между социальными группами, что лишает картину мира полутонов, делает ее строго поляризованной [22]. Одной группе приписываются исключительно положительные

¹ Оценки приведены на январь 2022 г.

черты и свойства со стремлением представить себя в лучшем свете, другой — исключительно отрицательные с целью дискредитировать оппонента [23]. В контексте глобализации обе партии, нацеленные на консервативный электорат, актуализируют свою риторику идентичностей и используют оппозицию «мы — они» для разделения электората. В нашем исследовании мы измерили антагонизацию, то есть конструирование оппозиции «мы — они» в качестве разновидности тактики поляризации.

Таким образом, риторика, исключая Других, составляет неотъемлемую часть крайне правого дискурса. В нашей работе мы проанализировали такую риторику с преимущественно конфликтным содержанием, направленную на политическое убеждение, поляризацию, антагонизацию. Мы предприняли попытку изучить общее в риторике российской и германской политических партий ЛДПР и АдГ — цель, которая ранее в научной среде не преследовалась. Хотя интерес к крайне правым партиям среди зарубежных и отечественных ученых растет, сравнительных исследований такого рода мало. Антагонизация риторики крайне правых общепризнанно считается высокой, однако попытки ее количественной и качественной оценки редки.

Методология

В нашем исследовании мы принимаем за электоральную риторику политические заявления, сделанные в период электоральных кампаний, направленные на оказание определенного эффекта на избирателя. Дискурс-анализ электоральной риторики подразумевает понимание политического дискурса как «общения в среде политических институтов» (в нашем случае — общение представителей партий и избирателей), обладающего «собственным (политическим) подъязыком» [24, с. 13]. Целью такого дискурса выступает борьба за власть.

Наша методология исследования основывается на дискурс-анализе А. В. Дуки [23] и Т. Н. Ушаковой [25], а также вдохновлена исследованиями политического дискурса Е. И. Шейгал [24] и К. Арцхаймера [6]. Мы позаимствовали термин «единица анализа» у А. В. Дуки, под которым он подразумевает «любую завершённую семантическую единицу, выступающую как обозначение некоего субъекта, ситуации, ее условий и временных границ, а также их характеристики, исключая примечания в таблицах и числовые показатели» [23, с. 96]. Для выделения единиц анализа в нашем исследовании мы разбили видеоматериалы на отдельные сюжеты — законченные по смыслу фрагменты видео, подходящие под вышеуказанное определение. Мы собрали 60 сюжетов на русском языке с риторикой ЛДПР (содержащих около 1600 символов каждый) и 30 сюжетов на немецком языке с риторикой АдГ (около 3400 символов каждый). Такое различие в количестве текстов было сделано для того, чтобы сохранить количество единиц анализа эквивалентным, поскольку видеоролики АдГ в среднем длиннее и содержат количественно больше политической риторики.

Основываясь на предыдущих исследованиях, мы предположили, что как АдГ, так и ЛДПР покажут высокий индекс антагонизма и частое использование риторики «мы-групп» и «они-групп», обращаясь к «нам» и отчуждая «их». Однако в контексте геополитического конфликта между Россией и Западом, на острие которого

находится риторика ЛДПР, она должна была продемонстрировать более высокий индекс антагонизации и большее число случаев употребления местоимения «они» в отношении западных стран. Это составило нашу первую гипотезу. Риторика ЛДПР, сохраняя присущие ей национальные и индивидуальные черты, будет при этом иметь много общего с риторикой современных глобальных новых правых и с АдГ как их типичным представителем. Партии будут апеллировать к массам, затрагивая волнующие их темы и высказывая во многом схожие позиции по ним, при этом также используя антагонизирующую риторику. Это составило нашу вторую гипотезу. В связи с тем, что ЛДПР занимает пропрезидентскую позицию, в качестве третьей гипотезы мы выдвигаем тезис о том, что их риторика будет гораздо в большей степени касаться международной политики и демонстрации поддержки российского правительства в этой сфере, в сравнении с риторикой АдГ, находящейся в полной оппозиции к германской власти.

В качестве задела для будущих исследований мы хотим также проверить на наших двух примерах выводы Г. О. Эдвардса [4] о несоответствии принципов современных крайне правых критерию антисистемности. Наша последняя гипотеза заключается в том, что риторика обеих партий не содержит типичные крайне правые послы антисистемного, антидемократического и антиплюралистического характера.

Для выполнения исследования мы поставили несколько задач. Сначала был проведен сбор количественных данных и подсчет количества упоминаний того или иного дискурсного блока в текстах. Вслед за этим мы проанализировали текст качественно через перспективу дискурсных фреймов для сравнения того, как партийная риторика касается некоторых социально важных тем. Использование этих инструментов в нашей работе обусловлено необходимостью формализации анализа для сопоставления риторики на разных языках и относящейся к разным социально-политическим субъектам. Самый простой способ установить, есть ли у дискурсов точки соприкосновения — это применить к обоим дискурсивный шаблон [23]. Наконец, мы сравнили результаты партий и сделали выводы об особенностях и различиях крайне правой риторики этих партий в глобальном контексте.

Для решения поставленных задач мы применили как количественный, так и качественный анализ. Для первого варианта мы составили таблицу с числом обращений к блокам «прошлое», «будущее», «социальные проблемы», а также «мы» и «они». Каждый блок описывает дискурсный маркер, к которому тяготеет анализируемая риторика. Первые три блока имеют бинарное значение для каждого видеоролика: они либо упоминаются, либо не упоминаются. Мы не стали подсчитывать количество упоминаний блоков в тексте. Некоторые лежащие в основе дискурса бинарные оппозиции, выполняющие функцию разграничения социальных групп, также будут проанализированы в качестве блоков. Это включает в себя различные грамматические формы слов «мы» и «они» (*мы, нас, нам* и т. д., *они, их* в русском и *wir, uns, unser* и т. д., *sie, ihnen, ihr* и т. д. в немецком языке) и подразумевается в некоторых словах и словосочетаниях (*die Deutsche*, или *немцы; русские*).

Мы разделили блоки «мы» и «они» по направленности на социальные группы. Наиболее частая категория, обращения «мы — партия» к организации и ее членам (не электорату), была исключена из анализа по причине отсутствия в них смысла

социальной группы и антагонизма: «мы — электорат партии», «мы — нация» (обращение к народу как к политическому субъекту), «мы — общество» (обращение к народу безотносительно их политической субъектности, как к объекту политики).

Блок «они» будет представлять более широкий спектр вариантов. В случаях, когда этот блок не использовался для антагонизации, например «они — население нашей страны», это употребление не включалось в общее количество. Мы предполагали, что основные блоки будут распределены следующим образом: «они — истеблишмент», «они — другие партии», «они — иностранные державы», «они — СМИ».

Выборку исследования составили 30 видеоматериалов партии АдГ и 10 видеоматериалов партии ЛДПР, опубликованные в сети Интернет официальными партийными СМИ в апреле — мае 2021 г. и приуроченные к избирательным кампаниям того года. Партии активно присутствуют на онлайн-медиаплатформах, среди которых одной из основных является видеохостинг YouTube. Эти видео предназначены для информирования широких масс электората о позиции партии по конкретным вопросам. Такая выборка мотивирована высоким уровнем цифровизации политических процессов, в том числе выборов, когда главным (а зачастую и единственным) каналом получения информации для основного электората партии становится сеть Интернет [26; 27].

Основной костяк наших видеоматериалов по АдГ составили видеоролики, связанные с федеральной партийной конференцией (Bundesparteitag) АдГ, состоявшейся 11 и 12 апреля 2021 г. В видеороликах наиболее видные члены партии высказывают свое мнение на политические темы и обсуждают их с интервьюером. Продолжительность видеороликов составляет от трех до семи минут. В качестве другого источника видеоматериалов для данной работы мы использовали видео из плейлиста «Речи в Бундестаге» (Bundestagsreden) на YouTube-канале Ад Г. В этих видеороликах представители партии произносят в Бундестаге подготовленные речи на актуальные социальные и политические темы.

Как и в случае с видеороликами от АдГ, канал ЛДПР на YouTube содержит интервью с политиками в неформальной обстановке, а также подготовленные выступления на пресс-конференциях. Еще одним источником нашего материала стал YouTube-канал «ЛДПР ТВ», где аналогичный контент появляется в режиме вещания. Темы дискуссий не ограничиваются электоральной повесткой и охватывают многие вопросы за ее пределами. Большинство видеороликов состоит из интервью одного из видных членов ЛДПР (обычно Владимира Жириновского) на тему, имеющую отношение к текущей социально-политической и международной ситуации.

Мы выделили те части видеоматериалов, в которых эксплицитно содержится политическая риторика, и разделили количество применений блоков в каждом из них на общее количество единиц анализа в нем (количество блоков / количество единиц анализа). Мы также вычислили среднее арифметическое из этих показателей по каждой разновидности блоков из всего корпуса текстов, отдельно для риторики АдГ и ЛДПР.

Затем мы вычислили два индекса антагонизации, отдельно для АдГ и ЛДПР, разделив вышеупомянутое среднее показателей блоков «они» на среднее показателей блоков «мы». Чем выше этот индекс, тем больше число употреблений

исключающих местоимений «они» и тем более антагонистичным является текст. Чем ниже этот индекс, тем больше число употреблений инклюзивных местоимений «мы» и тем более объединяющим является текст.

Результаты

В таблице представлены результаты количественного анализа:

- количество сюжетов, в которых были обнаружены дискурсные маркеры, тяготеющие к блокам «прошлое», «будущее», «социальные проблемы»;
 - общее количество использования «мы» и «они» во всех сюжетах;
 - среднее арифметическое количества употребления этих местоимений на единицу анализа;
 - частное между этими средними — индекс антагонизации.
- Результаты вычислений округлены до сотых долей.

Таблица. Результаты количественного анализа

Блоки	АдГ	ЛДПР
Прошлое (шт.)	8	11
Будущее (шт.)	19	9
Социальные проблемы (шт.)	49	24
Мы (шт.)	100	80
Они (шт.)	58	172
Среднее _{мы}	0,03	0,01
Среднее _{они}	0,016	0,02
Индекс антагонизации	0,56	2

Как видно из таблицы, ЛДПР ожидаемо обращается к прошлому чаще, чем АдГ, а в блоке «будущее» ситуация обратная. Количество раз, когда АдГ использовала местоимение «мы», выше, чем у ЛДПР. Индекс антагонизации выше в риторике ЛДПР (2) и значительно ниже в риторике АдГ (0,56).

Что касается направлений обращений, употребленных в проанализированных нами сюжетах, то АдГ использовала местоимение «мы» для обращения к немецкой нации (44 раза), к электорату АдГ (30), к немецкому обществу (26), и один раз — к европейцам. Что касается местоимения «они», истеблишмент получает наибольшее количество обращений (17), партия «зеленых» следует за ним (15), другие немецкие партии, ХДС и Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), получили пять и четыре упоминания соответственно, а остальные партии упоминаются три раза. Институты ЕС упоминаются шесть раз, а движение «Антифа» — трижды. Средства массовой информации упоминаются пять раз.

ЛДПР использует местоимение «мы» для обращения к российской нации (40 раз), российскому обществу (16), электорату ЛДПР (11), российской армии (3). Что касается местоимений «они», здесь употребление более разнообразно, при этом партия «Единая Россия» является наиболее часто антагонизируемым противником (21). Среди других упоминаемых политических организаций «коммунисты» (4),

СР («Справедливая Россия»; 3), «демократы» (3), другие политические партии (4), президент России (2), правительство России (1). Что касается международной политики, то «они» чаще всего подразумевают «коллективный Запад» (15), США (5), все иностранные державы (4), Украину, украинского президента или другие политические и военные институты (17), грузинское правительство (2), прибалтийских партизан во время Второй мировой войны (2). Некоторые другие случаи употребления «они» включают в себя бизнес (7), мигрантов (6), СМИ (4), знаменитостей (4).

ЛДПР чаще обращается к прошлому, подчеркивая недостатки коммунистического режима и преимущества российской конституционной монархии. АдГ, с другой стороны, чаще обращается к будущему и позиционирует его как краеугольный камень своей программы, несмотря на поддержку образа жизни немецкого среднего класса. Что касается оппозиции «мы — они», то ЛДПР больше сосредоточена на использовании «они» против западных стран и Украины для поддержки российского истеблишмента в продвижении его геополитической повестки на международной арене. В «мы» ЛДПР в первую очередь включает саму российскую нацию. Ее акцент на части «они» в этой бинарной оппозиции может также указывать на то, что электорат ЛДПР уже сформировался, что подтверждается и результатами выборов. АдГ, с другой стороны, может считаться относительно новой партией, электорат которой еще не сформировался. В этом случае обращение к электорату служит для АдГ средством объединения «сторонников нормальности» против «ненормальных» германского и европейского истеблишмента и международных левых организаций.

Для качественного анализа мы описали позиции партий по конкретным политическим темам через перспективу фреймов. Мы рассмотрели риторику, фокусирующуюся на социальных проблемах, к которым, по мнению других исследователей [4; 6; 8; 10; 14–16], чаще обращаются крайне правые партии. Для нашего исследования мы подобрали темы, которые чаще используются в контексте антагонизации Других:

- 1) позиционирование партии в политической системе;
- 2) экономическая политика;
- 3) культурная политика (мы включили сюда такие темы, как патриотизм, идентичность и т. п.);
- 4) иммиграция;
- 5) международная политика.

В ходе анализа мы использовали дискурсные фреймы, концептуализированные А. В. Дукой: фрейм ситуации, фрейм кризисного периода, фрейм заговора, фрейм несправедливости, фрейм национальной угрозы [23].

АдГ рассматривает текущее положение в Германии как кризисное и представляет себя как защитника «нормальности», в то время как другие партии поддерживают «безумные» процессы. «Нормальность» для АдГ — это нуклеарная семья, индивидуальная и экономическая свобода. «Безумный» же левый дискурс, присущий риторике всех других партий, — это коронавирусный локдаун, запрет автомобилей, миллионы мигрантов, преподавание «небинарных гендеров» немецким детям. АдГ считает себя единственным достойным защитником конституции и демократических принципов Германии в противовес другим организациям, попавшим под

влияние международных левых течений. ЛДПР, в свою очередь, отмечает кризис, вызванный некомпетентностью «Единой России». Члены партии также видят угрозу в американизации и вестернизации, которые, по их мнению, разрушают российские традиции и нацию. В обоих случаях партии во многом видят причины кризиса в заговоре со стороны внешних сил (по отношению к «традиционным» силам внутри страны, поддерживающим «нормальность»): ЛДПР — со стороны «коллективного Запада» и «демократов», АдГ — со стороны Евросоюза и международных левых движений. Обе партии поддерживают бедных, малый бизнес, цифровизацию и борьбу с бюрократизацией, однако ЛДПР предлагает более про-этатистский и антиолигархический подход, часто критикуя крупный бизнес.

Во фрейме несправедливости как ЛДПР, так и АдГ сталкиваются с остракизмом и клеветой со стороны СМИ. Кроме того, профессиональных политиков из ЛДПР подкупает «Единая Россия», а другие партии копируют успешные пункты их программы. Обе партии также жалуются на подтасовку результатов выборов и ограничения, связанные с антикоронавирусными мерами, а также на препятствия их законной деятельности со стороны местных и центральных органов власти.

АдГ сравнительно немного высказывается о международной политике, фокусируясь на критике ЕС и его бюрократии, подчеркивая отстраненность европейских политиков от немецкого электората. ЛДПР гораздо активнее поднимает вопросы международной политики, в которой она поддерживает действия российского правительства, подвергая критике «коллективный Запад» и, в частности, Украину в контексте разворачивающегося геополитического противостояния. Во фрейме заговора ЛДПР обвиняют противоположную сторону конфликта в провокациях и заговорах.

Следует признать, что точное количество употреблений блоков, фреймов и тем недоступно на нашем уровне анализа. Эти смыслы могут скрываться между строк и быть явными только для определенных групп людей. Кроме того, на нашу выборку может влиять субъективное понимание значения слов. Для получения доступа в более глубокие уровни смыслов пользуются другими видами анализа, например интент-анализом. Однако для нашей цели — изучения публичной риторики — приближенных значений достаточно, и скрытый и неочевидный смысл нас не интересует.

Вслед за другими исследователями мы отмечаем, что риторика обеих партий высокоантагонистична. Однако, в подтверждение нашей гипотезы, ЛДПР действительно имеет гораздо более высокий уровень антагонизации, чем АдГ. При этом она нередко использовалась ради поддержки российского истеблишмента в лице президента и против Запада и Украины. Хотя наша выборка могла быть не до конца репрезентативной из-за этого временного фактора, отсутствующего в случае АдГ, следуя рассуждениям В. А. Калинина², мы все равно предполагаем, что наша вторая гипотеза подтвердилась. АдГ же в основном использовала антагонистическую лексику в отношении истеблишмента, правящих и оппозиционных партий, против правительства и парламента ЕС, против международных левых движений.

² В. А. Калинин считает, что пропрезидентская позиция ЛДПР — это завуалированная попытка улучшить свой имидж путем апелляции к авторитету российского президента. Таким образом, это все еще риторический ход, направленный на повышение электорального рейтинга партии, и его следует анализировать соответственно [7].

Как мы и предполагали во второй гипотезе, партии обращались к массам, поднимая важные социальные вопросы, и их позиции во многом совпадали. Иммиграция, низкий уровень цифровизации, ограничение политических свобод, расщепление национальной идентичности, этническая напряженность волнуют обе партии схожим образом, но с существенными различиями в деталях, например в отношении к экономическим свободам. При этом обе партии при обсуждении этих тем антагонизируют Других: АдГ — истеблишмент, евробюрократов и международные левые организации, ЛДПР — Запад, Украину, мигрантов, истеблишмент в лице правящей партии. Обе партии, как и ожидалось, противопоставляли своих «недооцененных» профессиональных политиков-технократов «коррумпированным бюрократам» у власти, подтверждая ранние исследования, описывающие АдГ и ЛДПР как популистские партии.

Риторика ЛДПР затрагивает международные темы в гораздо большей степени, чем у АдГ, подтверждая третью гипотезу. Это объясняется как поддержкой текущей российской внешней политики, так и имперской идеологией ЛДПР в принципе.

Как видно из результатов анализа, в высказываниях обеих партий присутствуют элементы антисистемной риторики, и наша последняя гипотеза не подтвердилась. При этом, в поддержку тезиса П. Игнаци, ни ЛДПР, ни АдГ не выступают за демонтаж демократических институтов и политического плюрализма. Наоборот, хотя определения демократии в их риторике остаются открытыми интерпретациям, обе партии активно поддерживают институты выборов и плюрализма, политические и экономические свободы, выставляя себя «последними бастионами демократии» в своих политических режимах. Частично поддерживая тезис Г. О. Эдвардса, это указывает на приспособление крайне правой идеологии к меняющемуся духу времени, заимствование ими некоторые позиции традиционных партий, которые имели успех у населения, и отказ от радикальных лозунгов, которые сыграли не в их пользу.

Заключение

Научное значение нашей работы заключается в получении важных выводов о динамике развития крайне правой идеологии в России в общеевропейском контексте. Мы подчеркиваем наше открытие, состоящее в том, что эти свидетельства этих процессов присутствуют не только в западноевропейских политических системах, но и в России. Хотя ЛДПР на протяжении десятилетий описывалась как вторичная партия по отношению к партии власти, о заимствовании ею некоторых принципов мейнстримных партий никогда не говорилось прямо. Кроме того, вслед за другими исследователями мы продолжаем анализ развития политической риторики в кризисной ситуации и способствуем разработке дискурс-анализа в изучении политической сферы, в особенности в сравнительных исследованиях. Построенная в рамках работы аналитическая структура позволяет рассчитывать антагонизацию текста, демаркировать поднимаемые в тексте темы, добираться до сути политических посланий и сравнивать дискурс даже при наличии материала на разных языках.

Со сравнительной точки зрения АдГ и ЛДПР оказываются близки в освещении многих интересовавших нас тем, что подчеркивает тесную связь социального, культурного и политического пространств Европы и России. Риторика крайне

правых в мире разнообразна, но в этом спектре существует множество точек соприкосновения. Мы обнаружили, что в нашем случае ими являются темы культуры и иммиграции, где схожие нарративы пересекаются во многих точках. Для каждой партии бинарная оппозиция «мы — они» является существенной частью их риторики, однако ЛДПР использует большее количество антагонизирующей лексики, исключаяющей больше социальных групп.

В этот поворотный момент европейской политической истории идеология крайне правых партий на глобальном уровне приближается к принципам «традиционных» европейских партий, а различия стираются и остаются лишь в деталях. Этот процесс продолжается, несмотря на заявления крайне правых о неприятии идеологий этих партий. И ЛДПР, и АдГ поддерживают свой имидж защитников демократических принципов на публике, а другие партии выставляются как разрушители «старого порядка». Крайне правая идеология, по-видимому, продолжит свое развитие до тех пор, пока не прекратятся социокультурные процессы, вдохновившие это течение. В связи с продолжающимся ростом популярности таких партий их риторика и крайне правый дискурс в целом требуют дальнейшего анализа.

Литература

1. *Mudde C.* The far right and the European elections // *Current History*. 2014. Vol. 113, no. 761. P. 98–103.
2. *Weisskircher M.* The strength of far-right AfD in Eastern Germany: The East-West divide and the multiple causes behind 'populism' // *The Political Quarterly*. 2020. Vol. 91, no. 3. P. 614–622.
3. *Ignazi P.* The silent counter-revolution: Hypotheses on the emergence of extreme right-wing parties in Europe // *European Journal of Political Research*. 1992. Vol. 22, no. 1. P. 3–34.
4. *Edwards G. O.* A comparative discourse analysis of the construction of 'in-groups' in the 2005 and 2010 manifestos of the British National Party // *Discourse & Society*. 2012. Vol. 23, no. 3. P. 245–258.
5. *Ellinas A. A.* The media and the far right in Western Europe: Playing the nationalist card. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
6. *Arzheimer K.* The AfD: Finally a successful right-wing populist Eurosceptic party for Germany? // *West European Politics*. 2015. Vol. 38, no. 3. P. 535–556.
7. *Leser Ju., Spissinger F.* The functionality of affects: Conceptualising far-right populist politics beyond negative emotions // *Global Discourse*. 2020. Vol. 10, no. 2. P. 325–342.
8. *Кокурина И. В.* Фрейм «опасность» в программе немецкой партии «Альтернатива для Германии» // *Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки*. 2023. № 2. С. 44–51.
9. *Калинин В. А.* Проблематика национализма в информационном пространстве деятельности ЛДПР // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2016. № 2. С. 109–118.
10. *Бойко С. И.* Драматургия концепта нации в программном дискурсе российской «партии без власти» // *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. 2015. № 2. С. 109–131.
11. *Тимошенко В. И.* Политические партии современной России как активный и профессиональный носитель и производитель политических идеологий: теоретические и практические аспекты (часть вторая) // *Вестник Московского университета. Сер. 12.: Политические науки*. 2007. № 1. С. 69–77.
12. *Боровикова Е. А.* Основные идеологические принципы ЛДПР // *Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика*. 2013. № 6. С. 12–15.
13. *Жириновский В. В.* Причины роста праворадикальных партий в Европе // *Россия и мир: развитие цивилизаций. Феномен развития радикальных политических движений в Европе: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (12 апреля 2018 г.)*. М.: Ин-т мировых цивилизаций, 2018. С. 14–16.
14. *Малинова О. Ю.* Образ «лихих девяностых» в дискурсах российских коммунистов и национал-патриотов // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2020. Т. 14, № 2. С. 53–63.

15. Мелешикина Е. Ю., Толпыгина О. А. Использование образов советского прошлого в риторике «Справедливой России» и ЛДПР // Политическая наука. 2023. № 1. С. 92–112.
16. Каверзина Н. П. Дискурсивно обусловленный образ прошлого в тексте программы политической партии (на материале программ партий КППФ и ЛДПР) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 40–44.
17. Shekhovtsov A., Umland A. Vladimir Zhirinovskiy and the LDPR // Russian Analytical Digest. 2011. T. 102. С. 14–16.
18. Лебедева С. О., Лясина И. Ю., Соколов Р. В. Особенности электората ведущих политических партий современной России (по итогам социологического исследования в г. Волжском Волгоградской области) // Via in tempore. История. Политология. 2016. Т. 37, № 1 (222). С. 157–161.
19. Molpus C. A Crisis of Masculinity: The Rise of the AfD and the East German Man. PhD thesis. Oxford, Mississippi, 2020.
20. Kranert M. Populist elements in the election manifestoes of AfD and UKIP // Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik. 2019. Vol. 67, no. 3. S. 265–282.
21. Minkenberg M. The new right in Germany: The transformation of conservatism and the extreme right // European Journal of Political Research. 1992. Vol. 22, no. 1. P. 55–81.
22. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004.
23. Дука А. В. Политический дискурс оппозиции в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 1. С. 91–113.
24. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: монография / Ин-т языкознания РАН; Волгоград. гос. пед. ун-т. Волгоград: Перемена, 2000.
25. Ушакова Т. Н. Слово в действии: интент-анализ политического дискурса / под ред. Н. Д. Павлова. СПб.: Алетейя, 2000.
26. Behre J., Hölzig S., Möller J. Reuters Institute Digital News Report 2023: Ergebnisse für Deutschland // Reuters Institute for the Study of Journalism. 2023. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2023/germany> (дата обращения: 20.12.2023).
27. Предпочтительные источники информации: интернет // ФОМ. 2023. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14836> (дата обращения: 20.12.2023).

Статья поступила в редакцию 7 октября 2023 г.;
рекомендована к печати 21 марта 2024 г.

Контактная информация:

Булатов Мансур Рашидович — аспирант; twelve8922@gmail.com

A comparative study of the electoral rhetoric of extreme right-wing parties in Germany and Russia

M. R. Bulatov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Bulatov M. R. A comparative study of the electoral rhetoric of extreme right-wing parties in Germany and Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, issue 1, pp. 33–46. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.103> (In Russian)

This article compares the electoral rhetoric of the Alternative for Germany (AfD) and the Liberal Democratic Party of Russia (LDPR) parties through the prism of the level of antagonization and the parties' point of view on topical social issues. Discourse analysis is conducted using discourse frames and blocks, allowing formalizing the comparison between texts in different languages. The sample is based on party videos published online in April — May 2021 in the run-up to the upcoming federal elections in both countries. The LDPR uses more

antagonistic rhetoric, especially against Western countries and Ukraine. The AfD uses *we* to unite its electorate, seeing the German and European establishment as its opponents, as well as organizations with an international agenda, including the Greens and the Antifa movement. Both parties raise important social issues such as immigration, digitalization, political freedoms, and national identity, but differences in emphasis emerge. The AfD is more likely to raise issues of economic freedom for business and the defense of German *burgher* culture against the leftist agenda, while the LDPR is focused on supporting Russian foreign policy and Russian culture against Western globalism. The authors also emphasize that modern far-right parties support democratic principles. Nationalism remains central to far-right ideology, but it is drifting towards democracy under the influence of sociocultural processes. The study aims to improve understanding of the dynamics of far-right political discourse in Germany and Russia. The theoretical developments allow us to expand the application of discourse analysis of political rhetoric.

Keywords: extreme right ideology, far-right ideology, nationalism, political discourse.

References

1. Mudde C. The far right and the European elections. *Current History*, 2014, vol. 113, no. 761, pp. 98–103.
2. Weisskircher M. The strength of far-right AfD in Eastern Germany: The East-West divide and the multiple causes behind 'populism'. *The Political Quarterly*, 2020, vol. 91, no. 3, pp. 614–622.
3. Ignazi P. The silent counter-revolution: Hypotheses on the emergence of extreme right-wing parties in Europe. *European Journal of Political Research*, 1992, vol. 22, no. 1, pp. 3–34.
4. Edwards G. O. A comparative discourse analysis of the construction of 'in-groups' in the 2005 and 2010 manifestos of the British National Party. *Discourse & Society*, vol. 23, no. 3, pp. 245–258.
5. Ellinas A. A. *The media and the far right in Western Europe: Playing the nationalist card*. Cambridge, Cambridge University Press, 2010.
6. Arzheimer K. The AfD: Finally a successful right-wing populist Eurosceptic party for Germany? *West European Politics*, 2015, vol. 38, no. 3, pp. 535–556.
7. Leser Ju., Spissinger F. The functionality of affects: Conceptualising far-right populist politics beyond negative emotions. *Global Discourse*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 325–342.
8. Kokurina I. V. The "danger" frame in the program of the German party "Alternative for Germany". *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*, 2023, no. 2, pp. 44–51. (In Russian)
9. Kalinin V. A. Problems of nationalism in the information space of the LDPR activities. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*, 2016, no. 2, pp. 109–118. (In Russian)
10. Boiko S. I. The dramaturgy of the concept of nation in the programmatic discourse of the Russian "party without power". *Politicheskaia kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy*, 2015, no. 2, pp. 109–131. (In Russian)
11. Timoshenko V. I. Political parties of modern Russia as an active and professional carrier and producer of political ideologies: theoretical and practical aspects (part two). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki*, 2007, no. 1, pp. 69–77. (In Russian)
12. Borovikova E. A. Basic ideological principles of the LDPR. *Rossiiskii politicheskii protsess v regional'nom izmerenii: istoriia, teoriia, praktika*, 2013, no. 6, pp. 12–15. (In Russian)
13. Zhirinovskii V. V. Reasons for the growth of radical right parties in Europe. *Rossia i mir: razvitie tsivilizatsii. Fenomen razvitiia radikal'nykh politicheskikh dvizhenii v Evrope: materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (12 apreliia 2018 g.)* (pp. 14–16). Moscow, Institut mirovykh tsivilizatsii Publ., 2018. (In Russian)
14. Malinova O. Iu. The image of the "Dashing Nineties" in the discourses of Russian communists and national patriots. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 53–63. (In Russian)
15. Meleshkina E. Iu., Tolpygina O. A. The use of images of the Soviet past in the rhetoric of "A Just Russia" and the Liberal Democratic Party. *Politicheskaia nauka*, 2023, no. 1, pp. 92–112. (In Russian)
16. Kaverzina N. P. Discursively conditioned image of the past in the text of the political party program (based on the programs of the Communist Party of the Russian Federation and the Liberal Democratic Party). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 438, pp. 40–44. (In Russian)

17. Shekhovtsov A., Umland A. Vladimir Zhirinovskiy and the LDPR. *Russian Analytical Digest*, 2011, vol. 102, pp. 14–16.
18. Lebedeva S. O., Liasina I. Iu., Sokolov R. V. Features of the electorate of the leading political parties in modern Russia (based on the results of a sociological study in the city of Volzhskiy, Volgograd region). *Via in tempore. Istorii. Politologii*, 2016, vol. 37, no. 1 (222), pp. 157–161. (In Russian)
19. Molpus C. *A Crisis of Masculinity: The Rise of the AfD and the East German Man*. PhD thesis. Oxford, Mississippi, 2020.
20. Kranert M. Populist elements in the election manifestoes of AfD and UKIP. *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*, 2019, vol. 67, no. 3, pp. 265–282.
21. Minkenberg M. The new right in Germany: The transformation of conservatism and the extreme right. *European Journal of Political Research*, 1992, vol. 22, no. 1, pp. 55–81.
22. Ruzhentseva N. B. *Discrediting tactics and techniques in Russian political discourse*. Yekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2004. (In Russian)
23. Duka A. V. Political discourse of the opposition in modern Russia. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 1998, vol. 1, no. 1, pp. 91–113. (In Russian)
24. Sheigal E. I. *Semiotics of political discourse*. Volgograd, Peremena, 2000. (In Russian)
25. Ushakova T. N. *The Word in Action: Intent Analysis of Political Discourse*, N. D. Pavlova (ed.). St. Petersburg, Aleteia Publ., 2000. (In Russian)
26. Behre J., Hölig S., Möller J. *Reuters Institute Digital News Report 2023: Ergebnisse für Deutschland*. Reuters Institute for the Study of Journalism, 2023. Available at: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2023/germany> (accessed: 20.12.2023).
27. Preferred sources of information: Internet. *FOM*, 2023. Available at: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14836> (accessed: 20.12.2023). (In Russian)

Received: October 7, 2023

Accepted: March 21, 2024

Author's information:

Mansur R. Bulatov — Postgraduate Student; twelve8922@gmail.com